

84(2=411.2)6кр

Е51

1803543

ЛЕОНИД ЕЛИЗАРОВ

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Леонид ЕЛИЗАРОВ

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

РАССКАЗЫ

Обязательный
областной экземпляр

Мурманск
2020

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5
Е51

Художник А. Стрелкова

Л. Елизаров – потомственный помор, жизнь которого прошла на берегу Белого моря. Лес и море всегда были главным смыслом и богатством этого народа. Взамен природа получала уважение и преклонение, любовь жителей Терского берега.

Именно об этом – уважении, любви и восхищении природой – пишет в своих рассказах-зарисовках житель Умбы Леонид Елизаров. Именно в этом заключается его «Птица счастья» - в любви к Терскому берегу.

ISBN 978-5-6044267-4-6

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5

© Елизаров Л.И., 2020
© Стрелкова А., рисунки, 2020

Мой отец...

Перебирая в памяти события минувших лет, вспоминаю молодого отца. Большой, красивый, громкий, он всегда поражал меня своим разносторонним умом и лёгкостью рассказчика.

Помню, как в детстве, сидя у костра, он растирал мои замёрзшие маленькие ручки и ножки своими большими и горячими ладонями, отвлекая моё внимание от боли, и начинал рассказ. А на огне готовилась ароматная уха, в чайнике закипал дурманивший чай на листьях брусники. Отец знал о лесе всё. Его рассказы и байки увлекали, уводили слушателя в другой мир – чистый, свободный.

Лес всегда отвечал отцу взаимностью, и каждый поход был наполнен интересными моментами. Любое дерево, кочка или камень рядом с Умбой были ему знакомы. Это была его Родина.

Всё в жизни приходит вовремя, в свой черёд. Только строчки в книгах остаются в веках, возвращая нам память. Память жизни.

Анна Стрелкова, дочь.

Леонид Иванович Елизаров.

К ВОРОНУ ЗА БРУСНИКОЙ

Дойдя до знакомого квартально-го столбика, я свернул с просеки, узкой щелью разделяющей густой ельник. Выйдя из него, я очутился у знакомого горбатого угора. Окинул взглядом зелёный склон, и глаза разбежались: он сплошь усыпан вызревшей красно-бордовой брусникой. Ягоды можно было, без преувеличе-

ния, грести лопатой. Сбросив рюкзак с корзиной на старый пенёк, достал комбайн-побирушку. Не успел собрать второй комбайн, как сверху раздалось: «Кар-р-р». Я оглянулся — чёрная, с синеватым отливом птица, мотнув сильным клювом, перелетела без боязни на другую ель, ближе ко мне. «Значит, это та самая птица, что давно живёт здесь», — догадался я. Ворон тоже узнал меня. «Пр-ри-шёл гр-ра-бить?» — сердито проскрипел старый знакомый. «Забыл, что ли, как ему кусок сала на пне оставил, — подумал схибно. — Ещё хочет». Крик ворона вскоре привлёк внимание другого. Теперь два ворона сидели рядом на сухой ветке ели и смотрели на меня, переговариваясь по-своему. Я мог поклясться, что их интересовал не я, а мой рюкзак, оставленный специально на виду, с таким усердием они его разглядывали.

Я брал ягоду комбайн за комбайном и сыпал в корзину, что находилась в рюкзаке, и краем глаза наблюдал за воронами. Они уже осмелели, перелетели на сухую валежину. «Упорно намекают», — думалось мне. Собирая россыпи брусники, видел, что попадались даже тёмно-бордовые ягоды, а когда я их раздавливал, нутро было обычное, ярко-красное. И на вкус почти не кислые, но терпкие. Сыпал в рот прямо из комбайна и с трудом давил, разжёвывал, смаковал. Большому куску рот радуется.

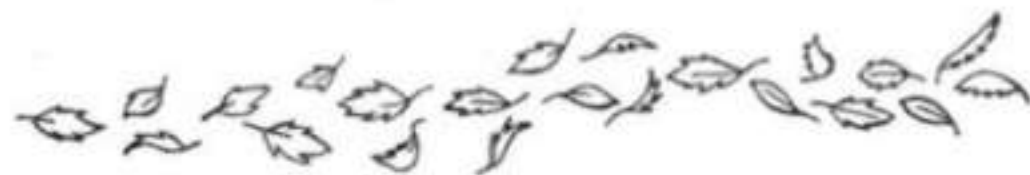

Но ягода была вкусна. Чем больше ешь — тем больше хочется. Когда ел, услышал переливчатый свист. «Рябцы пожаловали», — догадался я и достал из кармана штормовки манки. Свистнул и затих, прислушиваясь. И в ельнике тут же откликнулся такой же, но живой голосок, и я услышал лёгкое порханье. Рябец в планирующем полёте подлетел совсем близко и, усевшись на ель, повторил свой нежный пересвист. И тут я увидел пёструю пепельно-серую с тёмным горлышком и хохолком на голове птичку. Я замер, а рябчик сидел и вертел головкой. «Где ты?» — спрашивал он. Снова порхнул и уселся прямо на рюкзак. Вороны возмущённо каркнули на него. Он подскочил как-то забавно, помогая себе крылышками, и вдруг заметил меня, замер и нахохлился. Но стоило мне шевельнуться, как он мигом порхнул и был таков. Я не стал долго мучить воронов. Положив куски пирога и забрав свой рюкзак, отошёл немного по склону. Тут тоже ягод было, будто кто просыпал, и я скоро доверху наполнил корзину и в последний раз побирушку. Вороны всю возились у пня, отнимая друг у друга куски ржаного пирога с рыбой. И совсем не обратили на меня внимания, когда, вскинув на спину тяжёлую ношу, пошёл обратно, махнув им рукой.

ЛИСТОПАДНАЯ РЫБАЛКА

На рассвете был лёгкий иней, и день затевался великолепным солнечным сиянием. Даже за те сутки, что я был на реке Лямуксе, зелени в лесу стало гораздо меньше, и мир стал золотым и синим. Синее небо, синяя вода в речке Лямуксе. Золотое солнце, золото листвы деревьев. Под невысокими берегами, на которых толпятся тёмно-зелёные ельники, речка струится быстрым, подвижным алмазом. На отмелях голубизна воды просвечивает серо-жёлтым галечником и вдруг образует тёмно-мутную полосу – жилу. Это приглубная борозда на дне, где любят стоять за камнями хариусы. Грустный горьковатый осенний запах вянувших ивовых кустов. И ещё тянет от речки прохладой прозрачной воды и каким-то полузабытым пряным ароматом, который хочется вспомнить, но не вспоминается. Я надел противобликовые очки, подтянул голяшки резиновых сапог, пересёк лениво журчащую вершину протоки и вышел на галечный островок. По всей его поверхности валялись старые коряги-выворотни, попадались среди них и старые брёвна, обросшие сверху травой. Зашёл в воду. «Вот здесь и попробую», – решил я, привязывая «муху»¹. Всё остальное делалось чисто автоматически. Размахнулся, забросил – есть! У меня, наверно, глаза округлились от удивления. Но что-то тяжёлое ворочалось в воде на конце катушки. Рыба к берегу шла, и я, подняв по науке согнувшееся удилище, осторожно пятился из воды. И вот сразу за леской на берег вылетела бурно извивающаяся рыбка.

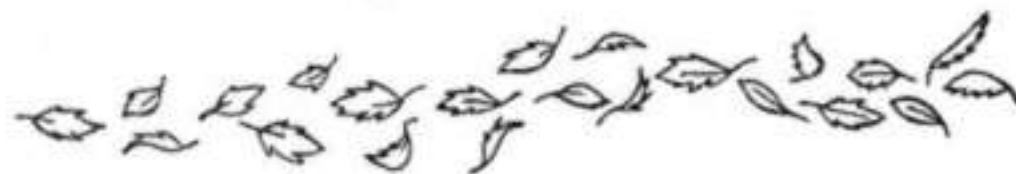

Положив удочку на камни, подбежав и схватил её. «С первого заброса, ну везёт!» – подумал я, снова заходя в воду.

Небольшим кружочком на воде «муха» обозначила своё приводнение и устремилась вниз. Упругая струя, подхватившая её, сначала несла её в пол воды, потом выкинула в верхний слой. Я дал катушке свободно разматывать леску, слегка подтормаживая пальцем, но леска по дуге вынесла «муху» на тихую отмель – и всё. Ещё заброс и ещё. Поклёвок нет. Я дошёл до конца острова, обкидал всё плёсо и, едва не залив поднятые сапоги, с трудом выбрался на основной берег. Я уже сменил несколько «мушек», но рыбы не было. И я занялся брусникой. Её было кругом полно. Крупные грозди свисали до самой земли. «Опавший лист по воде пошёл – не будет клёва», – думалось мне.

Проснувшись на рассвете, я увидел, что целлофан шалаша искрится и просвечивает. Тело от холода било мелким ознобом. В котелке чай покрылся тонким ледком, а траву под ногами будто посыпали мелкой солью. Деревья замёрзли, и ни листочка не шевелилось, словно боясь, что от малейшего шелеста их золотая красота опадёт и исчезнет. Иней от солнца начал таять, вокруг зашестелела тихая капель. И вместе с капелью с деревьев потёк, повалился лист. И это в полной, абсолютной тишине, когда уже не обращаешь внимания на громкий стук работающего сердца. Лист падал так обильно, что шорох заполнил всю тишину вокруг. Вот дождался и настоящего листопада. Подул ветерок, и поднялась золотая метелица, листва ожила, закружила. И я знал, что эта листопадная рыбалка запомнится надолго.

¹ «Муха» – приманка для рыбы.

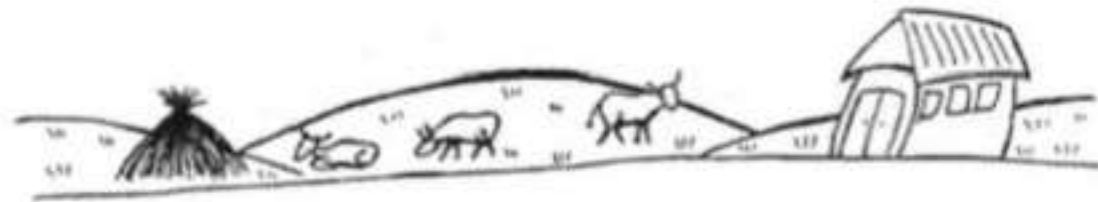
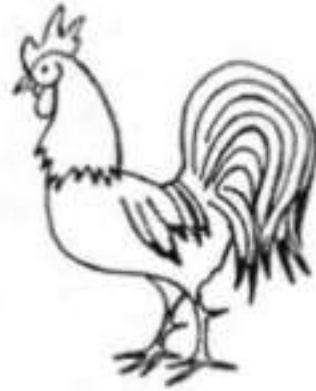

КАК ЛЮДИ

Доярки, накормив коров, ушли пить чай в подсобку, а я, десятилетний пацан, помогавший матери и тётке, остался около коров. Сытые коровы сделались какими-то вялыми, заторможенными, многие легли на пол. А выпученные глаза и бессмысленный взгляд были, как у пьяниц. Такое бывает и у людей после сытного обеда. Найдя в библиотеке книгу про коров, я узнал из неё, что в желудке у коровы пища сильно сбраживается и образуется много этилового спирта. Вот коровы и балдеют от сытной пищи.

Помню, в тот же год плотники у нас крыльцо ремонтировали и пивнули на перекуре, да заодно макали в водку хлеб и кормили драчуна-петуха. Ну и петух сдох от этого. Шура Стеничева, хозяйка петуха, оципала его и велела мне выкинуть его на губу. Хорошо раскрутив над головой, я запустил его на малой воде в нашу знаменитую глину-сизовку², и вдруг через некоторое время петух ожил и вернулся. Это было что-то. Ржал весь подъезд. Петух, хотя и был очень грязный и абсолютно голый, но приставал к своим курам усиленно и веселил этим народ.

На другой день, пробегая мимо соседского дома, я услышал стук в стекло. Тётя Шура манила меня пальцем. Когда зашёл к соседке, то на столе парил суп в тарелке и торчал петушиный мо-сол. «Давай, Лёня, супчику пригуби». Куриный суп – редкая еда была в то время. Как откажешься? Покончив с едой, я похвалил кушанье. Мне показалось, что мясо пьяницы-петуха гораздо вкуснее обычного.

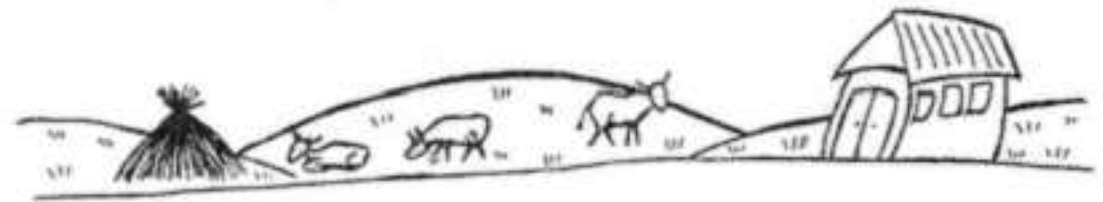

Да что петух, у меня собаки были пьяницы. Пёс Мишка очень любил пиво, но пил и водку, если ему залить разом в глотку. Мужики на работе в лесхозе научили. Приняв дозу, Мишка обычно сразу ложился спать. А Кубик очень любил ликёр. Пил его сам с удовольствием, и сразу же у него начинался приступ любви ко мне. Лизал мне руки, ноги. Шатаясь, отходил, прислонялся боком к стене и нежным, ласковым взглядом смотрел на меня. Потом, подойдя ко мне, медленно сползал на пол, положив голову на мою ступню, и совсем по-человечески, обхватив ногу лапами, уже совсем засыпал...

А что заставляет человека прибегать к употреблению спиртного? По-моему, отсутствие радости, удовольствия и комфорта, получаемых от жизни. Часто недостаток ласки и любви в раннем детстве не даёт возможности получать отпущенную природой порцию положительных эмоций и в подростковом состоянии, и в преклонном возрасте. Такие люди не способны по-настоящему любить и быть любимыми, не могут заняться интересным делом и не испытывают радости от преодоления разных жизненных препятствий. Жизнь их скучна и уныла. Они это чувствуют и потребляют спиртное. А жаль...

² Глина-сизовка – голубая глина.

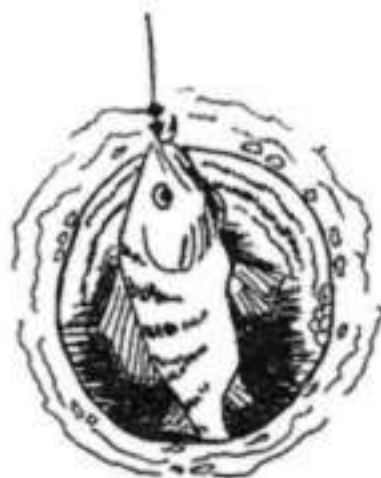

В ЗАТИШЬЕ

Открыв дверь в избушку, принохался. Из неё тянуло сеном, золой, сыростью и ещё чем-то приятным, характерным для лесного жилья. Спалось великолепно. Рано утором я встал первым и вышел наружу. Уже светало. Настоянный на лесных запахах морозный воздух вмиг наполнил меня свежестью и необыкновенным приливом энергии.

Позавтракав ржаным пирогом с ряпушкой и попив чаю, мы спустились на лёд самолловки³ проверять. Противоположный берег озера, где вытекал ручеек, зарос кустарником, густые ветки которого вмёрзли в лёд... Я перебрался туда и сразу сделал несколько лунок прямо около веток на мели, надеясь, что они меня немного закроют от рыбы. Из второй лунки я выудил приличного окунька. А в третьей, четвертой и пятой был просто отличный клёв. Сквозь лёд и ветки была видна целая стайка окуней, и они жадно хватали мормышку. Я опускал её прямо к веткам кустарника, слегка шевелил ею у дна, и очередной окунь подскакивал к ней, как баловный котёнок, и хватал её. И за час-полтора я наловил десятка три окуней.

День давно начался, и солнце светило вовсю. Дул ветер. Однако на берег возвращаться не хотелось, в душе теплилась надежда: найти тихое место и продолжить рыбалку. На ветру было холодно. Недалеко была небольшая загубина⁴, и около неё – ветками в воде – лежала толстая сосна. Когда подошёл к самой сосне, то сразу почувствовал себя комфортно. Дующий ветер сюда не залетал. Глянул под ноги: та же картина – ветки, вмёрзшие в лёд до самого дна, а между ними плавают приличные окуни.

Просверлил лунки и приготовил снасть. Согнулся кивок, и окунь забился на льду, затем ещё и ещё. Клевала и плотва, но редко. Лучшего места, я был уверен, на этом озере не найти. Было тепло, леска не путалась на ветру, да и ветер не донимал. А он всё усиливался.

Вскоре непогода и товарищей моих погнала в избушку греться. Подгоняемые ветром, в нахлобученных капюшонах, они проходили мимо, совершенно не замечая меня. Но сын увидел, свернул к берегу и, присев за сосной на корточки, в затишье, удивился: «Хитрый ты, папа, ловко устроился. У тебя тут хорошо, но всё равно пойдём в избушку, проголодался ведь. Сварим чаю – так горячего хочется. Да и рыбки у нас остались, настоящие, ржанные».

Глянув на избушку, из которой вовсю валил дымок из трубы, я быстро собрался и, догоняя сына, поспешил к ждавшим товарищам. Да и домой надо ехать, пора. А жаль, плотва ещё поклёвывает. И налимы на самолловки хорошо ловились. Дома будем печёнку налимом жарить. Люблю я её с картофельными шаньгами.

А по льду уже вовсю мела позёмка, шумел лес.

³ Самолловка – вид капкана на рыбу.

⁴ Загубина – маленький залив на озере.

РЮКЗАК С БРУСНИКОЙ

Заросшая жухлой травой тропинка то исчезала, то появлялась вновь. Я шёл старой просекой, обходя огромные старые упавшие ёлки, вывороченные с корнем. В спину подталкивал большой тяжёлый рюкзак, и со стороны я больше, видно, походил на носильщика, чем на ягоdnика-грибника. Большая корзина в рюкзаке была полна брусники, сверху её положен целлофановый мешок с грибами. Не мог не взять белые грибы. И мысли теперь вились вокруг тяжёлого рюкзака, и отвлекался я от них как мог. Потихоньку напевал песни дорожные: путь мой был, как в песне, «далёк и долог» или «мы шли на Одессу, а вышли к Херсону, в засаду попался отряд». «Это сколько они выпили самогону, чтоб так заблудиться? Совсем в другую сторону шли бойцы», — это так, про себя думалось. Самому бы с тропки не сбиться. Да и по времени ребята, наверное, уже ждут: дотемна обещал прийти. Сильно хотелось пить. И наконец дошёл до заветного ручья. Ручей так себе, но родниковый и знакомый давно. Сначала я сбросил ненавистный рюкзак, хотя эта ноша была моя, взвалил и тащил её добровольно. Пить придётся лёжа из-за высокого берега. Удовольствия от этого мало и, оглянувшись по сторонам, увидел старый берёзовый трухлявый пенёк. Вернее, кора берёзовая с трухой внутри. Отломал кусок коры и, взяв из кармашка рюкзака ножницы, вырезал из коры круг, загнул по радиусу, и получилась пиа́ла. Расщепленной веткой зацепил сгиб — и получился удобный ковшичек. Напился вволю и повесил на куст. Может, кому и пригодится. Оставшийся большой кусок берёзового пня сломал пополам — и получилось мягкое сиденье с гидроизоляцией.

Уселся на него, облокотившись уставшей, онемевшей спиной на рюкзак. Хорошо-о-о. Я смотрел на ручей, по которому караваном плыли упавшие жёлтые листья. Пищали и ползали вверх-вниз синицы, блестела каплями на солнце мокрая паутина, и думалось, что скоро уже начнутся заморозки и так уже на земле не посидишь, да и вода в ручьях будет очень холодная.

Кто бы знал, как не хотелось вставать! Но встал. Помог рюкзаку взобраться мне на спину — и снова в путь. Шаглось легко. Отдохнувший рюкзак лежал смирно и не подталкивал в спину. Но ноша давала о себе знать: под ключицами ныло и покалывало. В воздухе свежо пахло лесом, сырой травой. Направо, за деревьями, показалась речка — конец моего пути.

И проходя зубчатый тёмно-зелёный ельник, я сначала услышал, а потом увидел пацана и девочку — внуков, бежавших мне навстречу. Удобная всё-таки вещь — телефончик. Но свою ношу я донесу сам, и не уговаривайте.

Скупой солнечный луч пробился сквозь рыхлую облачность, освещая отлогую сопку на той стороне речки, и засветился золотом лимонно-желтый осинник. А с запада надвигались на лес тёмные, тяжёлые дождевые облака. И так хочется широко раскинуть руки и обнять весь этот обетованный мир, вечно молодой и вечно зовущий к себе.

ЛЕСНОЙ ПИРАТ

Я срезал грибы, когда услышал их. Свистнул рябчик, ещё раз — и так близко. Встал, выпрямился и только сделал шаг — поднялся выводок рябцов. Захлопали крыльями в зарослях молодого ельника. А рука уже роется в кармане куртки, выбирая нужный, любимый манок-свистульку. Дуешь, а звук не тот. Ну вот, настроил. Забрался в куст ольхи и стал манить. Но тишина, не откликаются рябчики. Но я тоже терпелив. А сам маню-посвистываю. Молчание. Улетели, что ли? Но вот промелькнула тень за берёзой, и на её сук сел не рябчик, а ястреб и смотрит в мою сторону. Ну а рябчики вдруг взяли и отошлись — не выдержали затянувшегося моего молчания.

Хищник, как будто этого и ждал, беззвучно скользнул с берёзы в ельник на ёлочку. Вертит головой, слушает. А слух у хищников отличный. Рябчика хочет поймать, разбойник. Откуда он взялся? Дунул я в манок ещё раз. И сам испугался. Бросился ястреб прямо на мой куст ольховый, только ветки в разные стороны взметнулись. Да и я едва успел пригнуть голову. Ну, думаю, вцепится в голову, и накомарник не спасёт — побольше комара будет. Затаился, не дышу, а чувствую, где-то совсем рядом он, и посмотреть хочется. Скосил глаза вбок и вижу: вот он держится за ветку, а она тонкая, он крылья расправил — балансирует для равновесия, головой вертит — ищет меня. А клюв, крючком, раскрывает-закрывает, глаза ярко-жёлтые — злые-презлые — так и шарят, ищут добычу.

Вся грудь, как у моряка, полосатая — ну вылитый пират. И по моему, нашёл меня. Как-то глянул на меня сбоку, подобрался-напружинился. И тут я его почти увидел — аж похолодел от страха и шевельнул рукой. О-о-о, как он дёрнул от меня кверху! Оказывается, он меня больше боялся. Выше ёлок взмыл и, часто-часто махая крыльями, скрылся. Страх прошёл, осталось удивление, а потом и рассмеялся. Надо же, такая осторожная птица, а так обмануться. Принять манок за живого рябчика. А может, такой хороший манок получился, надо его отдельно от остальных положить. Поднял корзину с грибами и пошёл в ельник к рябцам.

Солнце закатывалось, край его уже потонул за горизонтом, и небо пылало заревом. И рябчики начали вспархивать один за другим, а то и стайками. Их было так много, что разбегались глаза. Вот прямо передо мной, словно из солнечного зарева, выпорхнула в сторону целая стайка рябцов. А из оружия — одна корзина. Вот так всегда. Хотя и дорога близко. А там уже ждут меня, все в сборе. Разожгли костёр, достали еду, термоса и вовсю пируют. Оживлённо беседуют, довольны, все набрали грибов и ягод. А такая заря стоит! Запад переливается такими красками! И весь зенит залит ультрамарином, переходящим на востоке в простую синеву.

ЛЮБОПЫТНАЯ ТЁЛКА

Проехав отворотку из Умбы на Бармистан, мотоцикл стал постреливать, и Василий с Геннадием решили остановиться около дороги. Сняв несколько картофельных мешков с сетками, они шутя и переругиваясь, стали искать причину в моторе.

Только-только пропали комары и мошка. День стоял удивительно ясный. Несло морошковым запахом болота, высокий берег которого был усыпан терпкой и уже красной брусникой. Крупные ягоды, висющие целыми гроздьями, так и просились в рот. Мужики, мыча от удовольствия, сыпали и сыпали в рот целые жмени вкусных ягод. Потом, разложив ключи, принялись за ремонт.

Геннадий почувствовал, вернее, услышал лёгкие шаги сзади, но в припадке негодования – гайка в неудобном месте никак не хотела отвинчиваться – не обратил внимания на шорох. И вдруг он увидел краем глаза около себя лосиную морду. Замер, забыв про гайку. Огромный лосиный глаз был в десяти-пятнадцати сантиметрах от его глаза. И смотрел этот глаз, окружённый огромными ресницами, куда-то вниз, на ту гайку в моторе, что откручивал Геннадий.

А у Василия гайка откручивалась, и он, увлечшись, винтил и винтил её. Губы Гены тихо прошептали:

– Вася, глянь на меня.

Василий поднял не только глаза, но и голову и столкнулся в движении своим лицом с большими и тёплыми губами лося. Влажные ноздри жарко и сильно дыхнули на него своим дремучим животным запахом. Глаза у Васи, стали как у лося, он резко откинулся назад всем телом и заорал:

– Мама-а-а-а!!!

Геннадий тоже откинулся назад. Лежал на спине, во мху, хохотал, дрыгая ногами от переизбытка чувств. Потом, разглядев зверя, заржал, заохал от смеха и Василий. Так и сидели они с мокрыми задницами в сыром мху, заливаясь от смеха.

А молодая лосиха, отпрыгнув от крика, стояла в нескольких метрах и не уходила. И, наверное, тоже улыбалась про себя, глядя на здоровенных мужиков, которых напугала своим любопытством. А они хохотали, икали от смеха и снова хохотали. Приступ страха выходил со смехом.

Отдышавшись, Гена сказал:

– Вася, а ты понравился ей, иди снова поцелуй свою тёлочку.

– Ты что, это ж лось, – загордился было Василий, но, разглядев меж ног лосихи титочки, смущённо умолк.

А лосиха уже что-то щипала во мху, опустив вниз свою большую губастую голову. Потом начала пастись, потихоньку удаляясь от мужиков. А они, наскоро закрутив гайки и загрузив мешки, уехали на своё большое озеро, где в тёплой избушке, за ухой, хватив по стакану, обсуждали на ночь глядя предстоящую рыбалку.

А недалеко от избушки на берегу озера сидел глухарь на разлохмаченном корневище упавшей сосны. Поворачивая голову, он слушал и слушал говор, доносившийся из избушки. Беспокоился и переступал ногами. А начавшиеся сумерки медленно и тихо превращались в ночь.

ТРЕСКА КЛЮЁТ

Зимнее серое утро таит в себе наваждение. Оно завораживает и окружает меня в растерянном одиночестве, и это забытье спасает и кутает сонный поутру мозг. Дышащее всей поверхностью море рождало торосы, и шорох этих береговых нагромождений разбаивает этим звуком утро. Береговые изломы лукоморья, набитые неряшливо смёрзшимися кусками льда и запорошенные снегом, молочно серели, отражая серое небо. А рыбаки уже сидели на льду, причём многие пенсионного возраста. День посидишь с удочкой, глядишь — несколько килограммов трески и достал из воды. Сдал в магазин — вот и прибавка к пенсии, да и в жизни появляется та особая устойчивость, которая с детства помогала существовать и продлевала годы жизни, а это очень важно, особенно одиноким.

Близко не приближаясь, обходил рыбаков и рыбачек, узнавал их по одежде и фигуре, но ни с кем не здоровался. И не говорил: «Клёв на уду». Словно немой, пробирался к своему месту. Санки прислонил к снежной стенке, ограждающей от холодного ветра. Прочистил ледорубом старую нордану, выбрал черпаком шугу⁵, сел на стульчик спиной к ветру. Я не спешил с удочкой, словно нехотя подготавливал её к дёрганью рыбы, а сам внимательно всматривался в тёмное бельмо лунки, представлял там, в глуби, рыбы стаи, приманивал их мыслью. А про себя тихо говорил-шептал рыбацкий настрой — молитву на удачу в ловле. И эти мысли и слова уже по старой привычке не напрягали и не беспокоили меня. Они были проходными, незацепистыми и почти непохожими на первоначальную просьбу на удачу.

Отпустив на дно пулькер⁶, измеряю глубину и, учуяв толчок о дно, слегка приподымаю его, припоровливаюсь и начинаю привычно «шить», качать рукой.

Ждать не пришлось: треска хватала пулькер сразу, давила живой тяжестью. Я тянул её из лунки к дневному свету, и рыба даже в верхнем слое воды покорно шла к смерти. И только на льду, испуганная и ошалелая, приходила в себя. И в пушистом лёгком снеге взлетала в крутом изгибе, вскидывалась над морозным закованым морем, и безжалостный холод уже на взлёте ковал её, гнул и коверкал, живые плавники натягивались в предсмертном движении и сразу деревенели и тускнели, теряя прекрасный живой наряд. А в испуганных глазах оказывались и проявлялись каменная предсмертная печаль и удивление...

«Хорошая рыба, каждый её хочет», — думалось мне, когда оглядывал закованную кучу рыбин, уже присыпанных снежной пургой, чувствуя в себе знакомую страсть и волнение. Лицо уже закуржавело от холода, стылая кожа обтянула лицо, но я не замечал этого. Есть ли в жизни минуты прекрасней тех, когда страсть поёт, когда счастливое сердце не слышит, не чувствует нажитых болезней и забот и молотит, как молодое. Но страсть временная, и, когда притомляется и чужеет изработанное тело, подвластное годам, тогда и душа, подвластная телесным силам, тоже стареет и устаёт. Душа радуется и утомляет тело, а оно уже сигнализирует, даёт знать. Потянуло пальцы на руках, заныла поясница. «Куда мне столько рыбы?» — думал я, оглядывая свой улов.

И не продавал я никогда рыбу, а только дарил-делился. «За неделю не переест», — думалось устало и беспокойно. Мороженная вода бисером бусилась на леске, стеклилась на рукавицах

и полах плаща-непродувайки. Только сиденье стульчика, покрытое специальной теплоизоляцией, было почти горячим. Подсунув под себя ладони, согрел их, и боль прошла. Часть рыбаков уже потянулась домой, но некоторые ещё сутулились над лунками, захваченные, очевидно, нуждой и промыслом. Боронят леской морскую воду, сражаются с морозом и усталостью – последнее здоровье оставляют на льду.

В небе кое-где просеклись розовые стрелы, солнце немного пробило облака на горизонте и окрасило их почему-то в слабо-зеленоватый цвет, и я понял, что уже вечер. Да и как-то заленилась рука от бесконечного дёрганья удочкой, тело устало от плотной одежды, да и рыбацкая радость, тешившая душу, потихоньку иссякла. На лукоморье уже почти никого и не осталось. А рыба по-прежнему клевала и клевала у соседей. Но интуиция уже толкала меня домой, и, любя эту «палочку-выручалочку», я засобиравшись до хаты, заспешил, споро нагрузил санки и поволокся к посёлку. И по накатанной «буранке»⁷ скоро дошёл до берега родной губы. Уже вылезла из облаков луна, истекавшая красным цветом. «К морозу», – думалось мне. От ходьбы я согрелся, и только лёгкая усталость томила меня. Но, попав в тепло квартиры, мне хотелось скорее лечь и уснуть. Положив мешок с рыбой в морозилку, едва добравшись до друга-дивана, погрузился в сон. И грезилось в усталом сне избяное тепло на широких полотах, помыслились вкусные хлебно-пирожные запахи, сочившиеся из недавно протопленной печи, голоса матери и крёстной, разговаривающих за огромным столом. И живой дух солода, что для пива готовил дед на праздник... Целебен сон детства.

¹ Шуга – мелкие льдинки.

⁶ Пулькер – приманка на леске для рыбы.

⁷ «Буранка» – след от снегохода.

СЧАСТЛИВЫЙ ЗАЦЕП

Рыбачил я с Володей Ивановым на берегу реки Умбы. Перед этим делали попытки поймать хариуса на «муху», но поклёвок не было. Вместо ухи уже собрались варить кашу с тушёнкой, как вдруг Володя заметил в воде, метрах в двадцати от берега, что-то белое. Мнения разделились, и было решено выяснить, что это: полиэтиленовый пакет или рыба мёртвая, как утверждал напарник.

Он стал кидать спиннинг и зацепил тройником за что-то. Действительно, он оказался прав: это была сёмжина, которая покачивалась на поверхности воды, делая слабые усилия уйти от берега, выставив кверху своё белое брюхо.

– Лёнь, – обратился счастливец, – я кручу катушку, а она что-то к берегу слабо идёт.

И тут мы увидели свою блесну, которая висела над водой, зацепившись за что-то. За жилку зацепилась! Володя, подматывая блесну, держал натяжку, а я вошёл в воду и взялся за жилку, которую держала блесна, и этим помог ему вытащить рыбку. В ней было около десяти килограммов. Я поздравил одноклассника с удачей.

Сёмжина, очевидно, долго была на крючке у неизвестного рыбака, леска не выдержала и лопнула, а рыба, обессиленная и усталая, поплыла вниз по течению вместе с тридцатиметровым куском «абулона».

При дележе блесны и жилка достались мне, а сёмжина, соответственно, рыбаку. А уху мы не стали варить, ну её. Каша оказалась такая вкусная, что, лёжа на рыжей опавшей хвое, мы двухлитровый котелок «вычистили» с удовольствием и быстро. Особенно я.

РОДНИК

Переступив через высоченный порог, я вышел из избушки. Свет солнца убавлялся, хотя ни облачка не было над головой. Сиротливо обвисли ленты старой коры на ольхе, и ни одного дуновения воздуха не доносилось в вечернем мареве. Жарко и красно отыграла заря, и тихая лазурная снизу синева затопила небо и смолистый сосняк и сльник вблизи. Первая маленькая волна ветерка не донеслась, она как бы возникла вокруг избушки, воспарила вокруг мха и черничника, полетели соринки, мелкие иглы и листья с ближайшей берёзы, или, может, она поднялась от родника? И я вспомнил, что вышел за водой, взял котелок и отправился к роднику.

За вечер я выпил двухлитровый котелок полностью. Такой сладкой, сочной, живой воды я не встречал, пожалуй, со времён детства, когда всё казалось вкусным. Родник изумительного смака: бьёт из-под песчаного бугра, но вода не опреснённая, не из мёртвых ледяных горизонтов мерзлоты, а из какой-то подкорневой жилы, богатой мягкой, живучей и целебной силой леса. Родник дышал, сверкал и гнал упругую струю по деревянному жёлобу, сделанному из старой сосны умелыми руками. Сверху жёлоба образовался тонкий ледяной слой. В этой своеобразной трубе вода журчала, булькала, позванивала в маленькие хрустальные колокольчики.

Новый порыв ветерка кинул печной дым на землю и распахнул двери передо мной. И уже свежий ветер ласкал лицо, и остро пахло багульником, свежими натёками смолы, болотным разнотравьем. Дышалось глубоко, свободно, и все фибры души открывались нараспашку.

Потом, через годы скучного бытия, память вспомнит, и долго не расплещется в душе та родниковая вкуснота-свежесть и золотой пожар вечернего солнца над лесом, та божественная полнота зрелого возраста.

Благослови, батюшка лес, все мои чувства, дай соколиное зрение, острое чутьё на правду, душевную мощь и силу.

Восторженное благоговение охватило меня. Может быть, вечная природа напоминала о невечной и хрупкой жизни. Ночь наступила. Таинственно голубела и обмирала лесная жизнь. Жарко гудела «буржуйка», и набитый травами и листьями чайный котелок уже парил пряным духом.

БЕРЕСТЯНЫЕ ОЧКИ

В апреле установилась отличная погода. Почти везде на припёке появились тонкие хрусталики сосулек, а у корявых корней деревьев с солнечной стороны образовались проталины. И весь снег был густо-густо обсыпан семенами деревьев. А лес кругом звенел и пел птичьим гомоном. Они весело насвистывали и выводили замысловатые трели, суетливо и хлопотно перелетая от дерева к дереву.

В глубине леса и недалеко раздавалась гулкая дробь дятлов. И едва уловимый аромат сосновых почек свидетельствовал о том, что не только птицы и звери сбросили с себя тяжёлое зимнее оцепенение и ждут неторопливую поступь весны, которая уже не за семью горами, а где-то рядом, и тёплое дыхание её уже струится маревом в прозрачном воздухе, и сама она, может быть, уже стоит вон там, за кособокой сопкой.

Шагая без шапок по лесу, уже не чувствуем привычного когтисто хватающего за уши мороза. А выйдя на большое болото с ламбиной⁸ посередине, я обнаружил, что снег под ногами уже не шуршит, не звенит от мороза, а сухо похрустывает и рассыпается на мелкое блестящее крошево. Ночной морозец слепил из снега наст, и он держал, держал меня, и было так радостно от превращения ног в крылья.

За словым мысом на болоте, в устье небольшой речушки, пробурили лунки, и вот уже мормышка скрылась в тёмной воде. Она ещё не успела дойти до дна, как внезапный рывок заставил меня сделать мягкую подсечку. На льду запрыгал первый солидный окунь.

Быстро поправив наживку, я стал играть мормышкой у дна. Потом поднял её на полметра. Это помогло – кивок поднялся. Кажется, клюнула плотва, но это снова был окунь граммов на триста.

В следующих лунках было то же самое: один-два окуня. И к полудню у меня уже было около десятка приличных окуней, да и у сына не меньше.

Клёва не было. Солнце палило вовсю, обжигая нос и щёки. И снег на берегу, где разожгли маленький костёр для чая, под жарким солнцем превратился в кашеобразное месиво, которое здорово напоминало подтаявшее мороженое.

Казалось, что лес на противоположном берегу плывет в колышающем воздухе. А снег кругом ослепительно сверкал. Сын уже был давно в светозащитных очках, а я поленился их взять и поплатился за это – наловил «зайчиков». Сижу и тру глаза, слёзы начали выступать, да и по сторонам глядеть больно.

– Пап, на мои очки, – предлагает сын.

Но я отказываюсь и, вынув нож, вырезаю на берёзе ленточку коры. Померил – береста хорошо облегает лицо. Вырезал узенькие щели для глаз и из толстой жилки сделал завязки для очков.

Заметив вопросительный взгляд сына, спросил:

– Плохие очки, да?

– Странные какие-то. Разве сквозь такие маленькие щёлки что-нибудь видишь?

– Нормально вижу. И боли нет от солнца. Раньше наши предки только такие и делали.

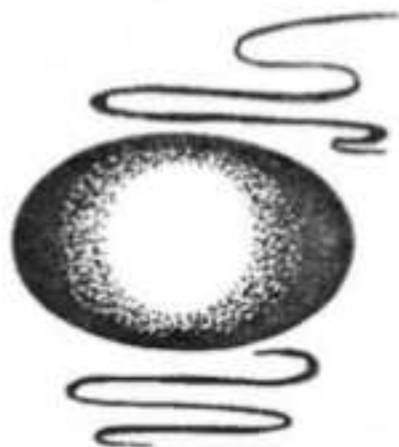
Обратная дорога была в два раза дольше. Снег налипал на лыжи большими комками.

⁸ Ламбина – небольшое озеро на болоте.

ВСТРЕЧА С НЛО

Случай на рыбалке

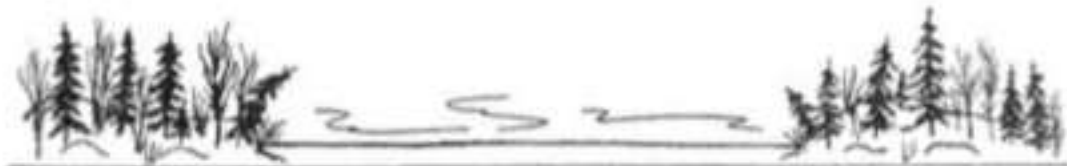
Прочитав статью В. Черкашина «Обычное облако» в одной из газет, вспомнил рыбалку на Пончозере. Прошарив всю Тавань-губу⁹ в поисках хариуса, я с сыном и племянником оказался у Горелого острова. Поймали одних крупных окуней! С окончанием вечерней зорьки решили ночевать на острове.

Выбрали место посредине острова. Ребята сделали костёр и сварганили уху с чаем. Поев ухи и закулив

длинненькую, я лёг на лапник, предаваясь воспоминаниям хорошо прожитого дня. В ушах звенела тишина, прерываемая бойким перестуком ложек о котелок. Молодые родственники наперегонки подчищали котелок с ухой.

Вдруг стук ложек прекратился и раздались крики: «Папа! Дядя Лёня! Что это такое?» Интонация криков явно мне не понравилась. Повернувшись в сторону ребят, увидел – они показывают на небо.

Увиденное ошеломило меня: со стороны слива Пончозера прямо на нас в абсолютной тишине, на высоте, что летают самолёты над посёлком, быстро приближалось что-то непонятное. Подумалось сначала: «Самолёт». Но мозг воспротивился этому абсурду. Форма объекта была похожа на горизонтально лежащий эллипс тёмно-серого цвета с очень ярким огнём в центре.

Огонь напоминал сопло реактивного самолёта, направленного прямо на нас. Было ощущение, что это огромный глаз, который смотрит прямо на тебя и даже сквозь тебя...

Потом объект плавно по горизонтальной дуге изменил направление с юга на север, на северо-запад и, пролетев немного, исчез, что тоже очень удивило. Потому что исчез не далеко за горизонтом, превратившись в точку, как мы привыкли. А исчез прекрасно видимый. Всё это длилось около минуты.

Поговорив об увиденном и попив чаю, мы заснули у костра.

Я проснулся от холода и, глянув на дубеющих от холода во сне ребят, подкинул в почти потухший костёр дров. Вышел, глядя на разгорающуюся зарю, на лёд озера с большой надеждой поймать хариусов. И днём все надежды оправдались с лихвой!

Служил я в войсках ПВО на Кольском полуострове и о шарах-зондах много слышал от самых разных сослуживцев, да и по боевой работе сталкивался с этим. Но то, что увидел я с ребятами на Пончозере, потрясло.

⁹ Тавань-губа – название залива на Пончозере.

В ТИШИНЕ ХВОЙНОГО ЛЕСА

Просверлить весенний ноздреватый лёд хорошим ледорубом очень легко, да и привычное это дело. Мормышка с опарышами на крючке остановилась на глубине трёх метров. Разматываю вторую удочку, а сам краем глаза слежу за первой. Вдруг как-то странно кивок подпрыгнул кверху и резко согнулся вниз. Едва успеваю поймать поехавшую к лунке удочку. Подсекаю и опускаю рукой рывки порядочной рыбки. Без суеты, плавно завожу её в лунку и подхватываю за голову. На льду бьётся, отливая серебром, крупенькая плотва.

Но вот снова согнулся кивок. Мягко подсекаю и без труда извлекаю на лёд ещё одну увесистую красавицу с раздувшимся от икры брюшком. Потом ещё и ещё посчастливилось мне поддержать на крючке крупных красноглазок, пока не поймал задуманное количество и сказал сам себе: «Хватит». Собрался и пошёл домой.

Последний лёд, как всегда, оправдал мои надежды. Я был доволен собой и весенней рыбалкой. Радостно и светло было на душе. Рюкзак приятной тяжестью оттягивал плечи.

К мокрому запаху льда примешался, в ноздри проник какой-то другой – незнакомый, тонкий, едва уловимый. Я остановился, как зверь, пытаюсь вспомнить этот до боли родной с детства, забытый аромат. И вспомнил! Пахло сосновыми почками, тающим снегом, горькой ольховой корой и ещё чем-то очень волнующим, желанным.

Я долго стоял в легком оцепенении, растерянно озираясь, вдыхая полной грудью чистый прохладный воздух, и с каждым новым вдохом догадка всё укреплялась в мозгу. Запах детства! Да это же запах весны! И утвердившись в своей приятной догадке, увидел, что кусты ивы стыдливо покраснели под солнцем.

А подойдя к ним поближе, обнаружил, что они присыпаны тончайшей бледно-розовой пылью, сквозь которую серебряными шмелями проклюнулись и распустились шелковистые вербные почки. И я с головой увяз в этой клейкой светлой тишине. Оттаявшие ёлки едва заметно взмахивали своими длинными гибкими ветками, словно тихонько между собой шептались и вздыхали.

Я шёл в сторону дома и вдруг наткнулся на беличью тропку на снегу. Она вывела меня к высокой ёлке. На середине ствола ели виднелось круглое, как мяч, гнездо-гайно. Я легонько поскрёб и стукнул по стволу сучком, и в ту же секунду из гайна выскочила белка и, свесив хвост, стала с любопытством смотреть на меня. Я снова поскреб кору ели. Белка метнулась на сук повыше. Потом ещё поскреб. Белка становилась всё беспокойней. Тревожно цокая, она металась среди веток по стволу.

Когда она, прижавшись к стволу, замирала, я снова стучал и скрёб. Белка почему-то не убегала от меня. Поняв, что в гнезде бельчата, я сразу ушёл.

Глядя на разлив хвойного леса, на неохватное голубое небо, всё яснее и отчетливее ощущал в себе новое большое чувство. Оно росло в груди с новым шагом, с каждым вдохом, оно уже не вмещалось во мне, просилось на простор каким-то несуразным радостным выплеском, каким-то святым, родным и бесконечно ёмким словом.

Я сдёрнул с головы промокшую от пота шапку и, размахивая ею, закричал-заулюлюкал: «Эге-ге-гей! О-о-о-а-а-а! У-у-у! Весна пришла! Эге-ге-гей!» А лес радостным эхом повторял и повторял мой восторженный крик.

КРИК ВОРОНА

Небольшая вёрткая блесна, булькнув в лунке, легла на дно. И я быстро, подматывая леску катушкой, подымаю блесну на метр от дна и начинаю ритмично подёргивать удочкой. Почти сразу рука почувствовала тугий толчок, и после резкой подсечки на леске заходила-заводила килограммовая щука. Кидаю добы-

чу в снег и таким же образом ловлю ещё трёх почти таких же полосатых хищниц.

На первый взгляд, щукари одинаковые. Тонкие, длинные, белобрюхие. Но, приглядевшись, сразу же замечаю: у одной нос почему-то задирается кверху, у другой губа порвана и срослась, у третьей по бокам разошлись какие-то черные мелкие пятнышки, а четвертая обыкновенная какая-то.

Некоторое время поклёвок нет. Стал играть блёсенкой на полметра выше. И сразу же энергичная поклёвка. После короткой борьбы щука у меня в руках. Вскоре таким же способом вытаскиваю ещё одну хищницу, но она, оставив мне перекушенную леску, ушла. Привязываю к леске японский поводок, а к нему присоединяю самодельную блесну с тройником. Только примерно через полчаса в лунке забурлила вода, и леска зазвенела так, словно за неё уцепился крокодил. Больно ударив ручкой по пальцам, взвизгнула катушка и в один мах распустила леску почти на всю длину.

Едва останавливаю рыбину и начинаю по сантиметру отвоевывать расстояние между мной и метавшейся подо льдом рыбной. Наконец она сдаётся. Подвожу к самой лунке и багориком с трудом протаскиваю через лунку. И я, и рыбина находимся без движения, словно отдыхаем от борьбы. Щука огромная, невероятно толстая – около пяти килограммов. Но главное, что удивило, это её цвет. Она была необыкновенно тёмной, почти чёрной. На широкой морде блестели маленькие глазки и из открытой пасти белели большие, как у собаки, ряды загнутых назад зубов.

Вечерело. Собрав рыбу и надев лыжи, я пошел к соседней ламбине, около которой должна быть избушка. А если не найду, то придётся идти к леспромхозовской дороге и шагать несколько километров до будки, что стоит у самой дороги.

На избушку вышел сразу. Стояла она на бугре посреди болотца, что прилепилось к ламбине, и была какая-то несуразная, что ли. Обычно избушки ставят около воды и так, чтобы сухих дров близко было много. Да и место выбирают уютное. А тут на бугре вымахали огромные ёлки, и строитель избушки решил втиснуть её между четырех толстенных елей, стоящих почти квадратом между собой. Выровнял у корней землю и вывел между стволами бревенчатые стены.

Усталость сказывалась. В такие минуты в лесу до невозможности тоскливо. Чувствуешь себя совсем маленьким, и очень хочется, чтобы кто-то пожалел. Но на десятки километров ни души, хоть упали и умри. Очень хотелось пить. Я пробовал есть снег, но он был жёстким и обжигал язык, словно берёшь в рот горячие угли. Откапываю дверь и на ощупь забираюсь в избушку. Оставляю рюкзак у порога, опускаюсь на кучку сваленных у буржуйки дров. Нет сил ни раздеться, ни зажечь свечку. На ощупь набрал мелких щепок на полу, сунул под них спичку и поставил на печку чайник.

Там на самом доньшке было немного застывшего вместе с заваркой чая. Но мне много и не нужно, лишь бы промочить горло. Пока разгорался огонь и во все дыры в печке валил дым, я откинулся на нары, прижавшись головой к бревенчатой стене, проконопаченной мхом, и в полузабытии слушал, как тихо шумит жестяная труба, шуршит от ветра натянутая на оконце целлофановая пленка. Нет сил терпеть. Не выдерживаю и, схватив чайник, высасываю через горлышко всю крепкую, пахнущую старым чаем жидкость. Выхожу из избушки, вытряхиваю все из чайника, набиваю его плотно снегом и ставлю на печку. Напившись чаю, протопив и закрыв печку, засыпаю. Не помню, долго ли спал. Снилось что-то про поезд. Когда я открыл глаза, почувствовал, что куда-то еду сквозь сплошную темноту, но на чём — не пойму. Ну, еду и хорошо. И только по-настоящему врубился, когда на голову стали падать кусочки дерева. Я телом чувствовал, как шевелятся бревна, хлопает целлофан в окошке.

Сначала подумал, что медведь-шатуи ворочает избушку, и схватил свой нож, лежавший на столике.

Но снаружи слышен только шум ветра и треск сучьев. Переборов страх, вскочил с ножом к двери. Она легко распахнулась. Делаю несколько шагов по глубокому снегу и окончательно вязну в нём.

Держа нож наготове, с трудом поворачиваюсь в сугробе к избушке. Сильный ветер бросает в лицо иглы и колючие снежинки. Избушка стоит передо мной, облитая лунным светом, нахлобучив на себя огромный снежный сугроб, и поскрипывает. И никого живого на ней и около не видно. Так кто же раскачивает избушку? Поднимаю глаза вверх. До меня доходит. Поднявшийся ночью ветер сильно раскачивал высоченные ёлки, а вместе с ними и мое жилище.

Чертыхая «великого» строителя избушки, пробую уснуть. Но какой после переполоха сон? А вдруг избушка всё-таки развалится. Устроившись поудобнее, лежу и слушаю, как шумит лес. И в избушке уже кажется спокойно и уютно. Проснулся от холода. Целлофан на окошке уже всюду посветлел. В углу обозначилась печка с трубой. За стеной тихо. Набиваю снова чайник снегом и, напившись чифира с сахаром, решаю идти к леспрохозовской дороге. А там на лесовозе уеду домой.

Взвалив на спину рюкзак и надев лыжи, я повесил на шею компас и, сверив по карте путь, тронулся. Моей лыжни как не бывало. Ветер ночью постарался, всё зализал.

С утра тянул небольшой ветерок, но днем опять разгулялся. По низинкам заносились белые вихри. Лес зашумел, заухал. В лицо и за шиворот стал сыпать колючей снежной крупой. Когда шёл по следующей ламбине, то, казалось, что уже всюду поднялась метель. Как и рассчитывал по карте, вышел к ручью.

Я обогнул сбившиеся в тесную кучку молодые сосенки и вспугнул ворона. Он в несколько взмахов перелетел на ближайшую ель, каркнул недовольно и полетел вдоль поймы ручья. Как только он вылетел на открытое место, его подхватил ветер, смял полёт и подбросил птицу к вершинам качающихся елей. Я проводил его взглядом, обходя густые кусты ивы, и вдруг как-то совершенно неожиданно увидел лося. Лось лежал на небольшом угоре в затишке высоких густых елочек и больше походил на каменную чёрную глыбу.

Ветер дул от него на меня. И я решил подойти поближе — сколько смогу. Снег в ручье глубокий и мягкий, и каждый шаг даётся с большим усилием. Но зато меня никто не видит и не слышит. А тут ещё ручей пересекает упавшая недавно ёлка. Поднырнуть под неё не дают густые ветки. Придётся её обходить. Нащупывая ногой карниз берега, карабкаюсь наверх и, чуть высушившись из ложбины ручья, сразу

же замечаю лося. Он лежит метрах в пятнадцати от меня. Залетающий сверху ветер шевелит шерсть на его боку и порошит мелким снежком. Лось лежит, свернувшись калачиком и положив голову на ноги. Мощно дышит широкий бок. Нос уткнул в живот, но поднятые торчком уши начеку. Начинаю потихоньку подходить, стараясь не скрипнуть лыжами, чтобы поближе разглядеть спящего лесного великана. Уже чувствую запах его тела.

— Кар-р-р-р! Кар-р-р-р! — заорал над моей головой, вероятно, тот самый ворон, мстя мне за прерванный отдых.

Взметнув снег, лось вскочил, ухнул так, что у меня по телу побежали мурашки и ослабли ноги, и, ломая кусты ивы, бросился в ельник.

Я минут десять сидел в снегу не в силах подняться. Противно дрожали ноги и сохло во рту. Успокоившись, пошел дальше, зная, что дорога уже недалеко. Но, когда обходил промону в ручье, снег вдруг расступился под лыжами, словно манная каша, и я оказался по щиколотки в воде.

Мокрый снег сразу прикипел к лыжам, и на ногах у меня оказались вместо лёгких лыж пудовые глыбы мокрого снега. Я еле вылез на берег. Соскоблил ножом с лыж снег и натёр их куском свечки. «До дороги, — подумал, — как-нибудь дойду». Пройдя примерно двести метров, снова почистил лыжи, посушил на ветру и ещё раз натёр носки лыж. Идти стало легче, и дорога должна вот-вот появиться.

Выйдя на неё и найдя тихое место с дровами, решил развести костёр и подсушиться, да и лесовоз надо ждать. Утоптал у дороги площадку и развёл костер. Буквально в считанные минуты на совершенно диком месте сделал временное жильё с видом на все четыре стороны света. Но главное, конечно, костерок. Выстроил шалашом тонкие сухие смолистые веточки, обложил их толстыми сухими сучьями, поднес спичку — и вот рядом передо мной «живое существо», которое светит и согревает. Вешаю над костром котелок, туго набитый снегом, пристраиваю берёзовую палочку с нанизанными на неё кусочками сала. Пока готовится обед, сушу обувь и одежду.

У меня сегодня суматошный день, а под самый конец чуть не провалился в ручей. Хорошо сообразил ткнуть лыжной палкой в подозрительное место. Наконец я ем жареное сало с хлебом, пью чай и слушаю, как шумит лес, разговаривает костёр, который то засипит, словно простуженным носом, то громко щёлкнет и стрельнёт угольком. Наевшись и высохнув, решил идти по дороге к развилке. Там надо ждать машину, водителя, который обещал захватить меня домой. Жаль расставаться с таким уютным местом. Допиваю чай, тщательно упаковываю рюкзак и иду дальше. Летом я всегда тщательно тушу свои костры, зимой же оставляю как есть. Все равно метровый снег не даст разгуляться огню, и на вытаявшем месте найдут поживу птицы, зайцы, куницы.

ЗА ХВОСТ

Рыбачил на реке Умбе, где-то километром выше Погоста¹⁰. Час покидал «муху» и вытащил небольшую сёмжину. Хорошо играл хариус, поэтому, сменив «муху» на мелкую «мушку», начал его ловить, спускаясь вниз по течению. Поймав уже на хорошую уху, я наткнулся на отца и сына Ивановых. Иван Николаевич налаживал чай над небольшим костерком, а Володя чистил такую же, как у меня, сёмжину. Поздоровавшись, я предложил уху из хариусов, на что Николаевич охотно согласился.

Присев у костра и зачищая брюшки хариусов, я поинтересовался, кто поймал рыбку. Ловцом оказался сам Иван Николаевич. Он посетовал, что мелкая рыба. Сварив уху и сняв с костра котелок, я предложил водочки. Вытащил из рюкзака «малец»¹¹ и налил в кружку. Предложил Николаевичу ополовинить и мне оставить. А Володе, мол, не положено, так как он не поймал.

— Да я сейчас поймаю, — засмутился он, отвечая на наши подколки. — Позднее хотел поймать, перед отъездом домой. Жарко ведь, испортится. И, видя наши перемигивания, схватил спиннинг и стал кидать блесну.

Смею заметить, блесну он кидал сильно и толково. И надо же, зацепил рыбку. Мы с Николаевичем помогали советами, видя, что у Володи взяла настоящая большая рыба. Он её просто сдерживал, и она вела себя как-то не так. Ни разу не выпрыгнула. И, спустившись ниже по течению, он всё-таки подвёл её к берегу, но сам был метрах в 5-6 от неё. Мы с Иваном Николаевичем подбежали к рыбине, которая стояла недалеко от берега, и увидели очень редкое зрелище: тройник зацепился за основание верхнего хвостового плавника одним крючком.

Я сквозь рыбацкие противобликовые очки это видел отлично. Вот почему лосось вёл себя так необычно. Хотел подсечь багориком и вытащить, но передумал и отдал его Николаевичу. Всадив острие между жабер, он ловко вытащил сёмжину на крутой берег.

На берегу взвесили добычу, и оказалось она за 9 кг. Володя принимал поздравления, поглядывая на всех орлом. Ну а мы смущённо глядели на свою «мелочь». Доев уху и попив чаю, Ивановы спустились к Погосту на резиновой лодке и уехали домой. А я остался ждать вечернюю и утреннюю зорьки, чтобы наловить побольше хариусов, которых я люблю ловить и кушать больше сёмги.

Лёжа у ночного костра, рыбаки долго обсуждали это событие — поимку сёмги за хвост. Некоторые просто не могут поймать, а тут такое. Только-только утренняя заря осветила верхушки ёлок на противоположном берегу реки Умбы, как я уже стоял у воды с удилицем. И хариусы не заставили себя ждать — хватали и хватали «медвежью мушку»¹².

¹⁰ Погост — древнее поселение на реке Умбе — Умбский погост.

¹¹ «Малец» — маленькая бутылка водки.

¹² Медвежья мушка — рыболовный крючок с волосками шерсти.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Первых щеповых птиц я увидел в Малых Корелах, когда учился в Архангельске. И потом потихоньку собрал информацию про этих птиц-солнце, как называли их в Древней Руси. А дневное светило называли вертящейся птицей. Издревле по всей Руси вырезали птиц. В них воплощалось представление людей о счастье.

Северная светоносная птица родилась в долгие морозные ночи, когда не хватало солнца и тепла. Кроме деревянной красоты, по народному поверью, эта птица обладает волшебной целебной силой. Обычно её подвешивают к потолку, как талисман, где она поворачивается в сторону возможной опасности и излучает своим теплом «оберег» — охрану всего дома. В каждом доме был свой секрет изготовления, и ремесло это из дома не выносилось, держалось в тайне. Каждая птица была не похожа на другую. Как и счастье, у каждого оно своё.

Свою первую щеповую птицу я сделал просто из кубика соснового, что валялся у лесосоцеха. А расщепил оперение уже дома. Страшненькая получилась, но, как первая любовь, самая хорошая и «работает» отлично. Щеповая птица должна делать колебания с боку на бок и вперёд-назад и при этом круговые обороты то влево, то вправо. Птица должна быть идеально уравновешена и подвешена на максимально тонкой леске, желательно мягкой. Делается она простым ножом. Сначала ищешь сосенку на болоте. Только там древесина лучше всего щепится. Пилой делаешь чурку, топором полено поровнее расколешь, а остальное — ножом. Некоторые мастера даже количество резов считают, чтобы число было счастливым, и чем меньше резов, тем больше у птицы силы лечебной. А расщепляешь оперение только по годовым кольцам, а они разные, как годы.

Поэтому и перья получаются немного разные, как у живой птицы, и не гладкие на ощупь.

Сейчас много есть подделок, клееных из шпона. Оперение одинаковое и идеально гладкое. Все птицы одинаковые, станочные, ненастоящие.

А у нас под потолком — деревянные остроклювые птицы щеповые, со светоносным всеобразным оперением и ажурными крыльями. Все разные и непохожие, летят под потолком, и шеи их вытянуты по линии полёта. Это птицы-солнце, птицы-вертеницы коренной Руси, оберег древний и домашний.

ЧУДЕСА НА СОМКЕ¹³

Что в зимней рыбалке хорошего? Колотун такой... б-р-р! Ветер! Аж в зубах посвистывает. И страдаешь-то, смешно сказать, из-за какого-то несчастного стограммового окунька. Да гори она, эта рыбалка, синим пламенем!

Весь январь на рыбалку не ходил.

— Нет, — говорил приятелям, — я не белый медведь. На лёд — ни шагу.

Но в феврале не выдержал и пришёл на Сомку. Народу на льду — как на крыше сарая во время наводнения. И льда практически нет — всё дырки, дырки, дырки. Кто сверлит, кто уже удит.

В предрассветных сумерках я просверлил лунку. Лёд был цельный, и бур шёл как в масло.

Решил порыбачить около ручья у камышей. Едва я начал погружать мормышку под лёд, плавно покачивая кивком удочки, как последовала сильная поклёвка. Затем насадил червя и стал, как прежде, плавно погружать в воду. Сразу же подо льдом рывок, леска ослабла. Не веря в удачу, я плавно подсёк и увидел увесистого окуня. Тёмно-зелёный, с ярко-красными жабрами и плавниками, он почти не сопротивлялся.

Дальше начались чудеса. При новом погружении мормышки я ощутил резкую поклёвку. Затрещала катушка. Сбросив три метра лески, после захватывающей борьбы вывел к лунке крупного окуня.

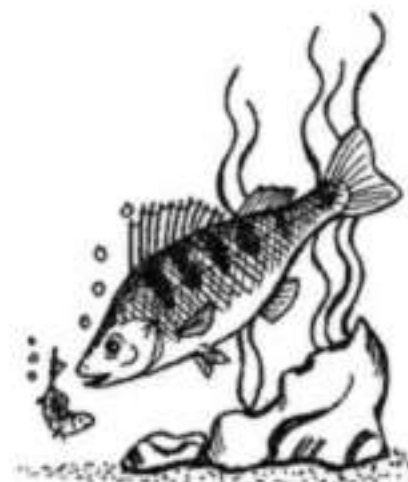
Всем своим существом я ощутил его незаурядную мощь. Вытащить только никак не могу. Упёрся он горбом в край лунки, застрял. Вижу в лунке окунёвую голову, даже попробовал рукой ухватить — намочил рукав только, а его лишь концами пальцев по губам погладил.

Сердце ёкает, в коленках дрожание, вот-вот в руках у меня затрепыхается огромный окунь. Но пока он у входа в лунку, а я вокруг неё танцую и охаю. Лунку уже запаяло льдом. Что делать? Наконец решился! Снял полушубок и свитер с рубашкой, запустил руку в скользкое ледяное нутро лунки. Вот пальцы нащупали леску. Она прижата к ледяной стенке, натянута. Есть! Взял за рыло. В лунке уже видна широко открытая пасть окуня. Ого, больше килограмма. А какая мука на ледяном ветру извлекать из пасти глубоко заглотанную мормышку! Пальцы онемели, стали неуклюжими, как клещи рака.

Уже рассвело. Куда ни кинешь взгляд, всюду по заснеженному озеру чернеют большие и малые группы и одиночные фигурки любителей подлёдного ужения. И нет места, куда бы можно было пойти и попытать удачу. Однако надо уметь вовремя ограничивать свои желания. Я подумал, что после моего «шумного» вываживания окуня рыба не могла далеко уйти от этого места и, пройдя метров двадцать, присел у старой, недавно кем-то покинутой лунки.

Здесь рыбачил заядлый курильщик: у лунки был насыпан пепел, и валялось много окурков. Первый же попавший окунь позабавил: изо рта у него торчал хвост маленькой плотвички. Потом попался окунь на триста граммов с мормышкой в губе. Очевидно, незадачливый рыболов слишком сильно подсёк полосатого.

Снова мормышка пошла под лёд. В руках я почувствовал лёгкую дрожь. Это от напряжения. Надо расслабиться, успокоиться. Минут пять отдыхал. Встал со стульчика и ходил вдоль берега.

Теперь руки не дрожали. Но и поклёвок не было. Подобные ситуации я отмечал неоднократно. Так бывает, когда поблизости находится крупная рыба, которая не решается взять насадку с ходу и не даёт подойти мелкоте. Нужна выдержка. Бац! Как будто клюнуло – мормышка слегка подпрыгнула вверх. Подсёк – и тут же получил ответный удар, рывок от которого переломил хвостик удочки. Перехватив левой рукой упруго натянутую леску, я попытался как-то самортизировать рывки сильной рыбы. Но как только я ослабил немного натяжку, рыбина неудержимо ринулась в сторону от лунки – и леска не выдержала.

Теперь уж мои руки дрожали по-настоящему. Я поднялся со стульчика и оглянулся. Группы рыбаков заметно поредели. Что ж, пора и мне заканчивать ужение.

Короткий зимний день подходил к концу. Скоро начнёт смеркаться. Где-то слышал, что якобы древние люди говорили, что время, проведённое на рыбалке, в счёт жизни не засчитывается.

Через два часа кухню заполнил дразняще-аппетитный запах свежей окунёвой ухи, сваренной по рыбацкому рецепту.

¹³ Сомка – Сорм-озеро.

ЛЕОНИД ИВАНОВИЧ ЕЛИЗАРОВ

(02.03.1949 г. – 07.06.2016 г.)

Родился в деревне Мосеевская Архангельской области. Там и прошло его детство. Затем семья переехала в Умбу (пос. Лесной). В 1968 году Леонид Елизаров окончил Апатитское профессионально-техническое училище по специальности «электрослесарь». Начал работать в 1968 году в Умбском леспромхозе на сплав-участке, а в 1972-м был призван в Советскую армию. Служил на полуострове Рыбачьем в рядах ПВО в звании младшего лейтенанта. После службы в армии вернулся в Умбский леспромхоз на биржу пиломатериалов. В 1977 году после обучения в Архангельской лесотехнической школе получил свидетельство о присвоении квалификации «браковщик пиломатериалов». За хорошую работу был награждён грамотами и благодарностями от руководства Умбского леспромхоза. Леонид Елизаров был членом Коммунистической партии, активно участвовал в жизни Терского района, был дружинником, оформителем плакатов к праздникам и мероприятиям.

Вся жизнь Леонида Ивановича была связана с лесом и рыбалкой. Два раза был победителем общероссийского конкурса «Рекордные рыбы года».

Леонид Елизаров постоянно вёл рыбацкие записи, которые затем стали основой для его рассказов. Свою любовь к природе Севера он перенес на бумагу. Рассказы печатались в умбской газете «Терский коммунист». Огромные знания о лесу Леонид Елизаров передал своим детям и внукам, привил любовь к рыбалке и творчеству.

С внуками Виталием и Дианой.

СЕРАФИМА ИВАНОВНА ЕЛИЗАРОВА (КУЗНЕЦОВА)

(30.01.1949 г. - 18.09.2019 г.)

Родилась в поселке Умба, в большой и дружной семье. Активная, бойкая девочка ни в чем не хотела отставать от братьев. В юности заинтересовалась фотографией, появились первые снимки. Именно это определило всю её дальнейшую жизнь.

Окончила школу в 1967 году, а в 1970-м, после учёбы в городе Курске, получила специальность фотографа. Серафима Ивановна работала в Умбском комбинате бытового обслуживания. В 1980-х годах работала в Умбском узле связи на телеграфе. После окончания курсов по программе повышения квалификации рабочих кадров при Куйбышевском комбинате вернулась в Дом быта в должности фотолaborанта по цветной фотографии. Вышла замуж за Леонида Елизарова, родила двоих детей.

Серафима Елизарова вела активный образ жизни, занималась спортом. Была награждена двумя лентами «Чемпион» в соревнованиях по лыжному бегу. Очень любила фотографировать родной поселок и его жителей.

На пенсии изучала историю Терского берега, собирала архивные материалы и фото. Серафима Ивановна часто ходила в лес и на море с семьёй. Умела ловить рыбу, не боялась трудных походов, при этом постоянно фотографировала. Добрая и отзывчивая, она посвятила свою жизнь семье и любимому делу. Её последняя мечта – издание книги, в которой раскрывается любовь её семьи к Терскому берегу.

Серафима Ивановна со своим знаменитым фоторужьем.

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ ЕЛИЗАРОВЫХ

В зимнем лесу.

Леонид Елизаров с женой, сыном и другом.

Леонид Иванович на бирже пиломатериалов Умбского леспромхоза.

*Леонид Иванович
с внуком Виталием.*

*Серафима Ивановна с сыном
около поселка Умбы, 1975 год.*

*Леонид Елизаров обучает
сына Алексея поморскому
делу.*

С женой и внуками.

*Леонид и Серафима
Елизаровы.*

*С внуками Виталием
и Егором, 2012 год.*

*Серафима Ивановна
на рыбалке в Белом
море, 2019 год.*

СОДЕРЖАНИЕ

К ворону за брусникой.....	4
Листопадная рыбалка.....	6
Как люди.....	8
В затишье.....	10
Рюкзак с брусникой.....	12
Лесной пират.....	14
Любопытная тёлка.....	16
Треска клюёт.....	18
Счастливый зацеп.....	21
Родник.....	22
Берестяные очки.....	24
Встреча с НЛО.....	26
В тишине хвойного леса.....	28
Крик ворона.....	30
За хвост.....	36
Птица счастья.....	38
Чудеса на Сомке.....	40

НА ДОМ
НЕ ВЫДАЁТСЯ

Отпечатано Мурманским ЦНТИ –
филиалом ФГБУ «РЭА» Минэнерго России.
183038, г. Мурманск, ул. Папанина, 4.
Печать офсетная. Зак. 594, тир. 500 экз. 2020 г.

